

Кувшинникова Александра Дмитриевна

магистр политологии

кафедра политических и бизнес-коммуникаций,

факультет прикладной политологии,

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики

email: akuvshinnikova@gmail.com

Проявление феномена авторитарности в масс-медиа современной России

Статья посвящена анализу тенденций нарастания в российском обществе и российских масс-медиа авторитарности. Усиление в России государственного регулирования масс-медиа, развитие самоцензуры и неформальных механизмов ограничения свободы слова позволяют охарактеризовать российскую медиа-систему как «нео-авторитарную». Ситуация усугубляется отношением общества к масс-медиа, которое во многом воспроизводит советский образец: общество воспринимает масс-медиа как инструмент пропаганды, не использует их как площадку для диалога. Опасность сложившейся ситуации заключается в том, что правящая элита, заинтересованная в воспроизведении авторитарной модели управления, может использовать масс-медиа, не встречая сопротивления ни со стороны общественности, ни со стороны самих масс-медиа.

Ключевые слова: масс-медиа, авторитарность, общественное сознание

Состояние медиа-системы как общественного института и подсистемы общества является индикатором того, каковы в конкретном обществе условия свободы слова, прессы, располагают ли граждане возможностью выражать свою позицию институционализированным способом через масс-медиа, а также насколько сильно вмешательство со стороны государства в публичную сферу. Под публичной сферой в данном случае подразумевается пространство, в котором происходит коммуникация между социальными группами. Анализ современной российской медиа-системы выявляет тенденции усиления регулирующей роли государства и ограничения свобод масс-медиа, что ставит перед вопросом, не происходит ли в современной России

восстановление авторитарной модели масс-медиа, которая существовала во времена Советского Союза. Сегодня социально-политические условия в стране и правовая база функционирования масс-медиа отличаются от советских, следовательно, ренессанс авторитарной модели нельзя обуславливать только активной ограничительной деятельностью государства. Само общество в современных политических и рыночных условиях потенциально имеет больше возможностей, чем при советском строе, влиять на масс-медиа, однако не использует их, сохраняя отношение к масс-медиа как к инструменту государственной пропаганды. Об этом свидетельствует анализ результатов социологических исследований, проведенных за последнее десятилетие [Петрова, Климова, 1997; Кертман, 1998; Кертман, 1999; Попов, Тавокин, 2002; Дзялошинский, 2006; Шмерлина, 2007 и др.]. Характеристике медиа-системы России и описанию причин ее современного состояния посвящена данная статья.

Понятие медиа-системы охватывает принципы функционирования масс-медиа, взаимоотношения между масс-медиа и государственной властью, отношения с потребителями транслируемой информации (аудиторией). Поэтому для доказательства гипотезы о том, что медиа-система современной России может быть охарактеризована как нео-авторитарная, необходимо уделить пристальное внимание отношениям между обществом и масс-медиа, отношению граждан к масс-медиа, представлению аудитории о том, какова роль и функция масс-медиа в жизни общества. Социальные характеристики аудитории, предъявляющей спрос на определенную информацию и продукцию определенных масс-медиа, не менее важны для понимания ситуации, чем регулирующие меры со стороны государственной власти. Учитывая комплексность факторов, определяющих состояние медиа-системы, основную мысль статьи можно сформулировать таким образом: нео-авторитарность медиа-системы обусловлена спецификой отношений между обществом, политической элитой и масс-медиа, при которых правящая элита, стремящаяся реализовать в стране авторитарную модель управления, с помощью правовых, административных и экономических ресурсов подчиняет СМИ и использует их для распространения в сознании общества авторитарных стереотипов, сами масс-медиа относятся к своим аудиториям как к объекту пропаганды, а общество коммуникативно некомпетентно, не обладает диалоговым сознанием и не готово использовать масс-медиа как площадку для коммуникации с властью и между социальными группами.

Теории, описывающие феномен авторитарности на уровне личности и группы, зародилась в 1930-х годах и вплоть до сегодняшнего дня подвергаются доработке и

критике. В рамках разных научных школ, в том числе школе психоанализа, Франкфуртской критической школе и т.д. такие выдающиеся исследователи, как Т. Адорно, Э. Фромм, Б. Альтемейер, Дж. Дакит и многие другие детально и подробно изучили условия возникновения авторитарности на уровне личности. На основании методов количественного анализа были разработаны шкалы изменения степени авторитарности. Наиболее известной является F-scale (f - «фашизм») Т. Адорно. В исследовательской практике используются также модели Берковича и Фолкона, шкалы Филмора, Яновица и Марвика, акцентированные на измерение политических настроений и политического авторитаризма, RWA (шкала авторитаризма правого толка) Б. Альтемейера и многие другие [Robinson, Sixaver, 1973].

В период с 1930-х до конца 1940-х годов XX в., к которому относятся основополагающие работы Вильгельма Райха, представлявшего школу социального психоанализа, Эриха Фрома, социального психолога, философа и психоаналитика Франкфуртской школы, и психолога Абрахама Маслоу, ведущая роль в формировании авторитарного синдрома на уровне личности отдавалась таким факторам, как изначальная психо-физиологическая предрасположенность к авторитарному поведению и воздействие институтов первичной социализации, особенно семьи.

После Второй мировой войны Теодором Адорно были выведены черты, характеризующие авторитарную личность:

- 1) традиционность,
- 2) авторитарное подчинение,
- 3) агрессия,
- 4) «anti-interception» (неприятие образного мышления, артистизма, нестандартности поведения),
- 5) преувеличенный интерес к вопросам сексуальных отношений,
- 6) суеверность и стереотипное мышление,
- 7) особое уважение к власти и силе,
- 8) цинизм по отношению к гуманизму и гуманности,
- 9) предубежденность относительно окружающего мира.

Т. Адорно принадлежит авторство понятия «авторитарный синдром», под которым подразумевается совокупность черт, дающих основание называть личность авторитарной [Адорно, 2001, с.281].

В 1980-х идеи Т. Адорно были развиты и канадским психологом Б. Альтемейером, который создал шкалу «авторитаризма крайнего правого толка»

[Altemeyer, 1988]. Б. Альтермейер использовал теорию социального научения Альберта Бандуры, объясняющую поведение человека через взаимодействие когнитивных факторов, поведенческих факторов и факторов внешней среды [Bandura, 1977]. С критикой в адрес Б. Альтермейера выступила Карен Стеннер, утверждающая, что авторитарность является динамической характеристикой, меняющейся и зависящей от внешних условий. Таким образом, авторитарность личности, авторитарный синдром, - это ответ на внешние вызовы [Stenner, 2005, p. 14].

Авторитарность можно рассматривать и как характеристику отдельной личности, и как характеристику социальной группы. Именно так поступал Э. Фромм, описывая авторитарность отдельного человеческого характера и авторитарность как черту того, что он назвал социальным характером. Понимание того, что собой представляет социальный характер, является ключевым фактором для понимания общественных процессов, поскольку «характер – в динамическом смысле аналитической психологии – это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей в определенном обществе» [Фромм, 2007, с. 235].

Исследуя социальный характер российской аудитории, чтобы в дальнейшем описывать специфику медиавоздействия на нее, можно обнаружить, что в нем присутствуют базовые черты авторитарного типа, в наиболее общем виде сформулированные Т. Адорно, и в дальнейшем детализированные и расширенные рядом его последователей и критиков.

Авторитарность массового сознания исследовалась в России с начала 1990-х. Одно из первых исследований, проведенное М. А. Абалкиной и нацеленное на сравнение ситуации в России и США, показало, что уровень выраженности авторитарных установок советских людей, замеренный в период резкого подъема демократических ожиданий (1989 г.), оказался ниже, чем у американцев [Абалкина, Агеев, 1990]. Сравнительно низкий уровень авторитарности в этот период объяснялся растущими ожиданиями в отношении демократического будущего, весьма активным, по сравнению с прошлым советским периодом, включением человека в политическую жизнь.

Исследование 1992 года на тему «Радикальное обновление общества и проблема авторитарной личности» показало, что авторитаризм в российском обществе укрепляется и распространяется [Самойлова, 1993]. Тогда были выявлены основные социальные группы, продуцирующие авторитарность: ими оказались рабочие,

инженерно-технические рабочие и учителя. Работники сферы культуры, предприниматели и студенты всегда демонстрировали меньшую степень авторитарности. Относительно студентов это подтверждается и исследованием В. В. Юртайкина и Н. А. Дьяконовой, которое показало на основании RWA-scale Альтемейера, что «по сравнению с сельской американской студенческой молодежью московская студенческая молодежь менее авторитарна, более терпима к различным меньшинствам, в меньшей степени склонна проявлять агрессию по отношению к ним» [Юртайкин, Дьяконова, 2001, с. 66].

Исследование Фонда аналитических программ «Экспертиза» под руководством М. Ю. Урнова (2005 г.) «Синдром авторитарного радикализма в российском массовом сознании» выявило основные компоненты авторитарного синдрома (склонность к национализму и ксенофобии, желание жесткого стиля управления и большой роли государства в жизни страны, специфику представлений о величии России, репрессивный подход в отношении к преступникам). Результаты исследования показали, что уровень авторитарного синдрома в российском обществе высок, и большая доля населения разделяет жесткие авторитарные установки.

Отношение авторитарной личности к свободе подробно и глубоко описано Эрихом Фроммом в «Бегстве от свободы» [Фромм, 2007]. По мнению Фромма, авторитарная личность боится своей свободы, поэтому стремится избавиться от нее, ищет пути бегства из свободного состояния. Это происходит потому, что свободный человек – это человек, оставшийся один на один со своим «я», незащищенный и одинокий. В России на состояние 1998 года 60,5% населения чувствовали себя незащищенными от одиночества и заброшенности [Шереги, 1998]. По результатам исследований за последнее десятилетие, это значение колеблется на уровне 50-70%. Свобода в общественном понимании противопоставляется порядку, а порядок высоко ценится авторитарными личностями наравне с определенностью и стабильностью. В 2004 году 75,4% россиян полагали, что порядок важнее всего для России, даже если его достижение требует некоторых уступок в правах и свободах [Левада-Центр*, Курьер 2004-16]. Такое же отношение сохраняется и спустя шесть лет. Задачу наведения порядка граждане возлагают на правоохранительные органы. Однако уровень недоверия к этим органам в обществе высок. По данным Левада-Центра*, процент респондентов, относящихся к правоохранительным органам с недоверием, колебался от 2005 к 2010 году от 69% до 67%, и от 63% до 71% респондентов высказывали уверенность в том, что могут стать жертвой произвола этих органов, от 77% до 81% не

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

чувствовали защищенности [Левада-Центр,* «Россияне не доверяют правоохранительным органам», 2010]. Сознание россиян полно подобными противоречиями, мифами, стереотипами и страхами. Такое состояние общественного сознания делает его особенно уязвимым для манипулирования.

Хрестоматийным примером, иллюстрирующим авторитарное подчинение, является вопрос о «сильной руке»: нужна ли она? Под «сильной рукой» подразумевается сильный, властный лидер, который способен справляться с проблемными ситуациями, жестко руководить, демонстрировать силу. Результаты исследований показывают, что из года в год симпатии в адрес сильного авторитарного руководства растут. С тем, что российскому народу «постоянно нужна «сильная» рука» были согласны: в 1995 году – 31,6%, в 2001 году – 44,2%, в 2006 году – 41,6% [ВЦИОМ, Омнибус 1995-4; Фонд «Индем»; Левада-Центр*, Курьер 2006].

В 2000 году россияне считали лучшей политической системой систему советского образца (42,2%), и только 26,4% полагали, что лучшей является демократия по образцу западных стран [ВЦИОМ, Экспресс 2000-14]. Спустя четыре года, более четверти населения продолжали считать лучшим советский тип. С 1993 года по 2006 год от 61% до 75% населения выражали сожаление о распаде СССР. Пик ностальгии пришелся на 2000 год. Главные причины ностальгии о СССР – это утраченное чувство принадлежности к великой державе. На 2006 год 55% населения испытывало это чувство. С 1998 по 2010 год процент населения, желающего видеть Россию «единым централизованным государством руководителями местной власти, назначаемыми из Центра» вырос с 25% до 46% [Левада-Центр*, «Отношения общества и государства в глазах россиян», 2010].

Ксенофобию можно считать компонентом авторитарного синдрома, а высокую степень ее распространенности в обществе – критерием того, что общество подвержено авторитарности. В современном российском обществе ксенофобские настроения распространены весьма широко, о чем свидетельствуют результаты множества социологических исследований. По оценкам ФАП «Экспертиза» на состояние 2004 года националистические и ксенофобские взгляды разделяло 60-70% населения [Урнов М., Касамара В., 2004, с. 51].

Отношение россиян к другим государствам и к месту России на международной арене показывает, что им свойственна типичная черта авторитарного сознания – ощущение враждебности со стороны других. В 2004 году, 59% россиян считали, что «Россию должны бояться, только тогда ее будут уважать» [Урнов, Касамара, 2004, с.

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

54]. Это указывает на то, что россияне мыслят о международных отношениях в категориях авторитарного подчинения. Страх воспринимается населением как норма в отношениях между государствами. По результатам исследования «Экспертизы» в 2004 году 50% россиян считали, что отношения с Западом всегда будут строиться на недоверии. Более современные данные (2009 год), показывают, что россияне явственно представляют список государств-врагов, на вершине которого держатся Грузия, США и Украина [Левада-Центр*, «Друзья и враги России», 2010].

Общественные настроения и общественное сознание подвергаются манипуляции через пропаганду, восприимчивы к посылам, исходящим от власти. Общественное сознание воспринимает те идеи, которые посылаются ему политической элитой, поскольку элита – это тот социальный класс, к которому прислушивается большинство, это класс, являющийся объектом для подражания, транслятором идей.

Если рассматривать элиту как носителя и распространителя авторитарных идей, необходимо учитывать, для какого типа элиты выгодны авторитарные симпатии, распространенные в обществе. Для России существенным фактом является то, что с начала демократизации прошло не так много времени, сколько требуется для полного обновления элиты. При смене политического режима не произошло полного единовременного обновления элитного слоя, как это бывает при радикальных политических переворотах и революциях, когда старая политическая элита устраняется насильственным путем либо просто устраняется от власти. В России этого не произошло.

По результатам глубокого исследования элиты, проведенного О. Крыштановской, «несмотря на глубину перемен, в России за последние 20 лет так и не произошло полного обновления политического класса. Наиболее значительное обновление персонального состава элиты произошло в 1991 г., когда более 50% представителей старой номенклатуры покинули свои посты» [Крыштановская, 2005, с. 375].

Советская номенклатура в полной мере работала на государственную машину, на закрытый государственный режим. Политическая культура советской элиты поддерживала и развивала авторитарные идеи и транслировала их в общество. Активно продуцировались идеи внешних угроз, идеалы сильной власти и подчинения ей, идеи коллективизма, порицание индивидуализма и прочие идеи, характеризующие авторитарное общество, зависимое от государства.

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

Номенклатура сохраняется и в современной России, более того, при усилении централизации власти, при выстраивании «вертикали власти» увеличивается и роль, и численность номенклатуры.

Выше описаны социальные характеристики аудитории российских масс-медиа. Далее речь пойдет о самой медиа-системе и ее характеристиках.

Для нас интерес представляют теоретико-методологические подходы, акцентированные на взаимоотношение между медиа-системой, политическим режимом и обществом, а также на степени свободы, которой располагают масс-медиа. Значительное влияние на выбор методологических установок, определяющих исследовательские подходы к осмыслению ситуации в постсоветских СМИ, оказала работа Э. Сиберта, У. Шрамма и Т. Питерсона «Четыре теории прессы» [Сиберт, Шрамм, Питерсон, 1998]. Авторы этой книги выделяют четыре основных модели СМИ: либертарианскую, теорию социальной ответственности, авторитарную и теорию советских медиа. И авторитарная теория, и теория советских медиа исходят из предпосылки о несвободном, зависимом положении масс-медиа. Ф. Сиберт использовал понятие авторитарной теории прессы по отношению к медиа в период их становления и, как правило, в условиях монархической системы власти. Однако монархия не является обязательным условием. Как отмечает Ф. Сиберт, «авторитарная модель была наиболее ранней исторически и наиболее распространенной географически в мире на тот период, когда происходило становление того, что можно назвать «масс-медиа» [Siebert, Peterson, Schramm, 1963]. Типичными чертами данной системы являются цензура, законы, устанавливающие прямой контроль государственных органов над прессой, экономические санкции государственной власти в отношении прессы, регулирование доступа населения к иностранным медиа и поступления этих медиа на территорию государства, участие органов государственной власти в формировании кадрового состава редакций и издательских организаций. Отличие теории советских медиа заключается в том, что данная теория привязана к конкретному политическому режиму – советскому. Теоретик Дэнис МакКуэйл внес свой вклад в развитие идеи «советской теории прессы». По его мнению, две ее главных функции: пропаганда коммунистической идеологии и механизм управления обществом, а сама медиа-система этого типа возникает, чтобы рабочий класс, обладающий властью в социалистическом государстве, мог контролировать «средства умственного труда» [McQuail., 2001, p. 118-119].

В настоящее время теории Сиберта, Шрамма и Петерсона утрачивают свою актуальность. Современные медиа более разнообразны, чем во времена оформления четырех теорий прессы. Советский лагерь государств, функционирование медиа в которых легло в основу одной из теорий, на сегодняшний момент прекратил свое существование. К тому же типология Сиберта, Шрамма и Петерсона не охватывает новые медиа-системы, появляющиеся, например, в странах третьего мира.

Для советского типа медиа Е. Вартанова, отталкиваясь от исследований Дэниса МакКуэйла (McQuail D. Op. cit. P. 212—213; Aumene J., Gross P., Hiebert R., Johnson O., Mills D. *Eastern European Journalism. Before, During and After Communism*. Cresskill, N. J.: Hampton Press, 1999), формулирует следующие характеристики [Вартанова, 2000, с. 63-64]:

- жёсткое разделение прессы и вещательных организаций (концентрация медиаресурсов в западном понимании отсутствовала);
- подчинение всех СМИ партийного-государственному идеологическому контролю,
- ключевое место газет и журналов в системе идеологической работы,
- наличие централизованной (нерыночной) медиаэкономики.

Постсоветскую медиа-систему, по Е. Вартановой, отличают три основные характеристики:

- изменение предпочтений аудитории: смещение акцентов с печатных СМИ на телевидение,
- изменение структуры рынка печатной продукции: от вертикально-иерархической советской системы к горизонтальным конфигурациям региональных и местных рынков,
- появление совершенно нового — рекламного — сектора, позволившего существовать СМИ, не финансируемым государством.

Существует также классификация медиа-моделей, в основе которой лежат парадигмы профессиональной журналистской деятельности. Данная концепция принадлежит И. М. Дзялошинскому и разработана в его труде «Российский журналист в посттоталитарную эпоху» [Дзялошинский, 1996] и других публикациях, в том числе, в «СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия» [Дзялошинский, 2008]. Предложенная им классификация содержит три типа медиа-моделей: модель «воздействия», модель медиабизнеса, и модель журналистики соучастия.

«Первая из таких установок ставит журналиста над аудиторией, определяя его право рассматривать своих читателей как объект управления (воспитания, формирования), а себя – как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня» [там же]. Для второй характерно такое отношение журналиста к аудитории, при котором он считает своим долгом предоставлять аудитории интересные материалы, помогать высказывать точки зрения. «Третья фундаментальная установка требует от журналиста находиться внутри определенного человеческого сообщества, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем. Главная идея такой журналистики заключается в том, что журналистам следует рассматривать читателей, зрителей, слушателей не как фон или пассивных наблюдателей, не как жертв различных обстоятельств, а как участников решения важных вопросов» [там же]. Последняя также называется «журналистикой соучастия»

В западной научной литературе, посвященной российской медиа-системе, можно также найти такую характеристику этой системы, как «нео-советская». Это определение можно обнаружить у Сары Оатс, профессора политической коммуникации Университета Глазго, занимающейся изучением медиа, их роли в политических отношениях и демократическом политическом процессе, в работе «The Neo-Soviet Model of the Media» (Europe-Asia Studies, Vol. 59, No. 8, December 2007). Основные характерные черты нео-советского строя, по С. Оатс, таковы: «отход от принципа объективности, пробелы (трещины) в законодательстве, регулирующем медиа, самоцензура, государственное вмешательство, в том числе и насильственное, низкий уровень профессионализма журналистов, насилие против журналистов» [Oates, 2007, p. 1279]. С. Оатс также отмечает преемственность аудитории от советского общества к пост-советскому.

А. Г. Рихтер, занимающийся изучением правового аспекта медиа-сферы, прослеживает трансформацию свободы прессы в России от периода правления президента Б. Ельцина к периоду правления В. Путина.

На этапе с 1990 по 1993 гг. Б. Ельцин боролся за освобождение прессы от государственного и коммунистического контроля со стороны своего политического противника Михаила Горбачева и властей СССР в целом. Вопрос освобождения, демократизации СМИ был принципиально важным. Этот период характеризуется институциональными изменениями, в частности, принятием закона «О печати и других средствах массовой информации», который базировался на полной ликвидации

цензуры, разрешении частной собственности в печати и независимости редакторов и журналистов от собственников. Освобождение СМИ на данном этапе было «побочным эффектом» политической борьбы между парламентом и президентом: обе стороны пытались доказать свою преданность принципам свободной печати, стремясь тем самым привлечь на свою сторону средства массовой информации.

Период с 1994 по 1995 гг. прошел под знаком денационализации СМИ и различных информационных конфликтов и споров.

Необходимость переизбрания Б. Ельцина президентом стала причиной появления в конце 1995 – 1996 гг. у СМИ ряда привилегий и экономической поддержки.

Я. Н. Засурский, доктор филологических наук, специалист в области масс-медиа, отмечает, что для этого периода было характерно возвращение СМИ к советской модели работы, предполагающей информационное обслуживание интересов конкретной группы лиц. Однако в данном случае СМИ работали не только на интересы политической власти, но больше на интересы группы олигархов, пожелавших избрать Б. Ельцина президентом на второй срок. Я. Н. Засурский называет модель, по которой работали СМИ того периода, «корпоративно-авторитарной».

Промежуток с конца 1996 г. до 31 декабря 1999 г. стал четвертым этапом политики Б. Ельцина по отношению к СМИ. На этом этапе сохранялся статус кво: уровень свобод СМИ был, бесспорно, высоким, исполнительная власть, блокирующая парламентские законопроекты, имела более важную роль в регулировании СМИ.

После выборов в Государственную Думу в декабре 1999 г. сформировался парламент, в наименьшей степени за всю постсоветскую историю оппозиционный президенту. Доминирование исполнительной позиции президента определяет политический климат после 1999 г. Политика в отношении СМИ становится политикой ограничений. Исчезает необходимость заручаться поддержкой СМИ, поскольку институт президентской власти значительно укрепился, также «рост цен на нефть позволил России меньше зависеть от западных денег. Следствием этого стала меньшая политическая зависимость от мнения международного сообщества о России.

Также уменьшилась зависимость президента от крупного капитала, крупных финансовых и промышленных структур, что позволило президенту открыто критиковать олигархов и предпринимать меры по ограничению их влияния. Более активным актором, регулирующим и ограничивающим СМИ, становится Министерство печати под руководством М. Лесина. Об этом говорит увеличение числа

положений, регламентирующих выдачу лицензий на вещание, и официальных предупреждений различным средствам массовой информации. Поскольку в это время протекает конфликт с Чеченской республикой, зачастую в центре внимания оказываются вопросы освещения боевых действий и поведения федеральных вооруженных сил в зоне конфликта. Так как эта проблематика тесно связана с интересами национальной безопасности и имиджем государственной власти, ограничительные меры как правило предпринимаются против журналистов и СМИ, задевающих проблемы Чечни. На этой почве возникают прецеденты физического насилия над журналистами и т. п., что в дальнейшем спровоцирует ухудшение международного имиджа России в аспекте свободы СМИ.

Общие тенденции отношения к СМИ периода правления В. Путина сводятся к тому, что СМИ превращаются исключительно в инструмент проведения государственной политики.

Шагом к реализации цели усиления государственного влияния на СМИ становится Доктрина информационной безопасности РФ, принятая в 2000 г. Документ определяет информационную безопасность России как «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, 2000]. Центральная идея документа - необходимость усиления правительственного контроля за распространением информации через создание правовой базы для такого контроля.

Еще одним фактором, ограничившим свободу прессы, стал Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» 30 июля 2002 г., статья 8 которого позволяет закрыть СМИ после трех предупреждений Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора [Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности", 2002].

Наиболее детальным и показательным примером непосредственного вмешательства государства в сферу частных медиа стало так называемое «Дело Гусинского», связанное с закрытием через суд холдинга «Медиа-Мост», принадлежавшего крупному предпринимателю В. Гусинскому, судебным преследованием самого Гусинского, в результате которого «Медиа-Мост» прекратил существование. В итоге один из входящих в холдинг элементов – телекомпания НТВ – единственный на тот момент негосударственный телеканал с охватом на всю

территорию государства оказался в собственности корпорации «Газпром», крупнейшим акционером которой является государство, следовательно, вся политика которого государством и определяется. Одной из причин закрытия холдинга считается его позиция в отношении информационного освещения военных событий в Чеченской республике, а именно критика в направлении государственной власти и ее действий в ходе данного военного конфликта.

События с «Медиа-Мостом» стали своеобразным сигналом для негосударственных СМИ, обозначавшим то, что их позиции столь же, или даже в большей степени, уязвимы. Такое восприятие ситуации подействовало как стимул для развития самоограничений и самоцензуры. В дальнейшем такие настроения могли только подкрепиться закрытием ТВ-6 – независимого телеканала со второй по размеру после НТВ аудиторией. Продажа Б. Березовским, крупным предпринимателем, государству 49% акций крупнейшего российского телеканала ОРТ, положила конец присутствию крупного частного капитала в сфере телевидения, оставив его крупнейшие каналы полностью в государственной собственности.

Результаты множества исследований свободы прессы в России подтверждают усиление авторитарных тенденций. В частности, Агентство федеральных расследований зафиксировало резкое увеличение числа преступлений против журналистов. К примеру, в 2006 году было зафиксировано 9 гибелей журналистов, в 2007 – 8, в 2008 – 5 и в 2009 – 9; случаев нападения на журналистов в 2006 было 69, в 2007 – 75, в 2008 – 69 и в 2009 – 59, нападений на редакции в 2006 году зафиксировано 12, в 2007 – 11, 2008 – 7, и в 2009 – 10. На протяжении последних лет против журналистов возбуждается масса уголовных дел: 2006 г. – 48, 2007 – 46, 2008 – 47, 2009 – 37. Постоянны также угрозы, получаемые журналистами в свой адрес: 2006 г. – 43, 2007 – 27, 2008 – 35, 2009 – 60 [Агентство Федеральных Расследований, 2010]. Россия регулярно оказывается в списке «несвободных государств» по рейтингу Freedom House. Как отмечает Эмма Грей, представитель Комитета по защите журналистов (Нью-Йорк), при правлении президента В. Путина независимая пресса России сильнее, чем в любой другой постсоветский период, подвергалась преследованиям и притеснениям [Ricchiardi, 2001].

Если снова обратиться к четырем теориям прессы Сиберта, Питерсона и Шрамма, то очевидно, что предложенная ими концепция «авторитарной системы» не полностью подходит для описания реалий современной российской медиа-системы, однако в последней наблюдаются черты, препятствующие тому, чтобы называть ее

демократической. Поэтому можно прийти к выводу, что к российской медиа-системе подходит определение «нео-авторитарной». Часть «нео» в понятии «нео-авторитарная система» также объясняется отходом от демократических тенденций, наметившихся в период гласности и время правления Б. Ельцина. Неправоммерно говорить, что вернулась советская модель СМИ, поскольку нет ее формальных признаков: цензуры, государственных цензурных органов, единой идеологической линии, единой партии ее определяющей, и т. д., однако есть признаки усиления авторитарности медиа-системы, которые задают потребность в новой дефиниции для системы.

Отвечая на вопрос, правомерно ли использовать по отношению к современной российской медиа-системе понятие «нео-советская», необходимо иметь в виду именно отношение аудитории к СМИ, которое практически повторяет советскую модель. Советское общество воспринимало информационный материал в большей степени как пропагандистский, нацеленный на то, чтобы воодушевлять, а не давать объективную картину мира.

Об отношении населения к СМИ говорят результаты исследований, в рамках которых выяснялось, каковы представления населения о задачах и функциях СМИ. Так, опрос, проведенный Независимым институтом коммуникативистики в 2004 году, показал, что большинство респондентов считает первоочередными функциями СМИ предоставление практических советов, справочной информации (69,2% респондентов), а также помощь людям в конкретных жизненных ситуациях (60,7%) и информирование о текущих событиях (58,3%), 54,1% выразил мнение, что основная функция СМИ заключается в изложении позиции руководства [Дзялошинский, 2006, с.16]. Весьма низкий процент опрошенных высказал мнение о том, что СМИ должны побуждать население к активным общественным действиям, содействовать взаимопониманию, организовывать их для достижения общих целей и критиковать действие властей, отдельных индивидов и групп населения. Иными словами, опрос показал, что отношение к СМИ как инструменту диалога общества и власти не сформировано, зато есть отношение к СМИ как к советнику, транслятору позиций властей и простому информатору. Этот же опрос отражает отношение представителей власти к функциям и задачам СМИ. Эти респонденты ставят на первое место функцию СМИ по разрешению споров в среде населения (69,9%), в остальном позиция властей совпадает с позицией граждан. Есть совпадение и в том, что и граждане, и представители власти помещают на последнее место критическую функцию СМИ.

Специфика внушаемого, пассивного отношения населения к СМИ проявляется также через отношение аудитории к цензуре. Социологические исследования выявляют недовольство аудитории непристойным характером контента телепередач и публикаций в прессе. Это неудовлетворение приводит к желанию ограничить СМИ. Достаточно устойчивое общественное согласие по поводу того, что СМИ нуждается в цензуре, отмечается на протяжении последнего десятилетия. На момент 1998 года более 50% респондентов опроса Фонда «Общественное мнение», посвященного СМИ и цензуре [Кегтман, 1998], было согласно с необходимостью государственного вмешательства и государственного контроля над политическими материалами в частных СМИ. Однако круг тем, в которые необходимо вмешиваться государству, по мнению опрошенных, не ограничивается только политическими. В 2008 году организацией «WorldPublicOpinion.org» в сотрудничестве с исследовательскими центрами в 20 странах мира, представляющих 59% населения в целом, под руководством Программы международных исследований общественного мнения (PIPA) Мерилендского университета (США) был проведен опрос, нацеленный на выявление отношения к цензуре в СМИ. В России в рамках этого опроса интервьюирование граждан проводил Левада-Центр*. Итоги данного исследования показали, что в сравнении с развитыми странами, в России наименьший процент аудитории считает, что для общества очень важно, чтобы СМИ могли публиковать материалы свободно и без комментариев со стороны государственной власти. Более того, Россия осталась по этому показателю позади таких государств, как Украина, Азербайджан, Иран и Нигерия, то есть стран, политический режим которых оценивается как несвободный, а общий уровень экономического и социального развития даже ниже, чем в России.

Сара Оатс, занимавшаяся изучением роли телевидения в избирательном процессе России 1990-2000х, также отмечает наличие в общественном сознании тоски по цензуре советского образца. Это объясняется тем, что правила, по которым работали советские СМИ были очень просты и понятны, но, в первую очередь, тем, что в сознании современного российского общества сохранилась память о советских СМИ (в случае, о котором говорит автор, телевидения) как творце образа общества, полного оптимизма и надежд [Oats, 2005, p.164]. Естественно, что этот образ значительно отличается от тех медиа, с которыми столкнулось общество в новых рыночных условиях.

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

Стремление населения отдать вопрос цензуры СМИ в сферу компетенции государства вполне может рассматриваться как проявление авторитарного синдрома. Государственное регулирование не является единственным методом ограничения попадания нежелательного контента к аудитории. Более того, сама аудитория может быть цензором, отказываясь от приобретения не удовлетворяющей медиа-продукции. Эта экономическая мера не менее действенна, чем репрессивные ограничительные меры со стороны государства, поскольку лишают СМИ прибыли. В медиа-системе, в которой коммуникация между СМИ и обществом выстроена по принципу диалога, есть возможность ограничивать выпуск нежелательного материала, вступая в диалог со СМИ, донося до него свое мнение. То, что российское общество не пользуется ни первым, ни вторым методом, говорит о том, что оно не расценивает себя как актора, способного влиять на медиа, и не видит в себе партнера для диалога с ними. Аудитория находит более удобным привлекать помощь государства в вопросе регулирования СМИ, чем самостоятельно взять на себя функцию, исполнение которой не представляет собой особой сложности. Вышесказанное в большей мере относится к кругу тем, которые оскорбляют нравственность и вызывают неприятие у аудитории. Их ограничение возможно силами гражданского общества. Призывая в эту сферу государство, общество урезает свои возможности, осуществляет акт «бегства от свободы», пользуясь терминологией Э. Фромма. Это очень показательно для общества с авторитарным сознанием. В том, что касается политической цензуры, сохраняется такое же отношение граждан к регулирующей роли государства. Так, например, 53% респондентов опроса Фонда «Общественное мнение» в 1998 г. полагало, что государство должно контролировать содержание политических материалов в СМИ [Кертман, 1998]. Проявляя тягу к цензуре со стороны государственной власти, общество демонстрирует, что оно в этом плане не далеко отошло от советской системы организации общественно-государственных отношений, и симпатизирует государственному контролю даже вне политической сферы.

Заключение

Выполненный в ходе исследования анализ свидетельствует об усилении государственного регулирования СМИ, проявляющегося через увеличение доли государственной собственности, а также вмешательство государства в сферу частных масс-медиа. Инструментом ограничения выступают также юридические механизмы, например, усложнение условий получения лицензии или, наоборот, упрощающие ее

отзыв. Отношение государства к СМИ провоцирует развитие самоцензуры и неформальных механизмов ограничения свободы слова и действий журналистов.

Современная медиа-система может быть охарактеризована как нео-авторитарная. Часть сложного слова «нео-» в данном случае призвана отобразить то, что медиа-система, отошедшая в период гласности и ранних 1990-х от принципов авторитаризма, к данному моменту возвращается к ним, однако уже в несколько измененной форме, и не воспроизводит в себе черты авторитарности в том виде, в котором они существовали до падения советского строя.

СМИ современной России функционируют в рыночных условиях и вообще не так жестко ограничены законом, как это было в советском строе, на них оказывают влияние аудитории, формирующие определенные запросы, реагирующие на информацию. Раз наличие этих возможностей не сказывается на состоянии медиа-системы, значит аудитории либо игнорируют свой потенциал, либо удовлетворены авторитарными реалиями, либо даже способствуют тому, что медиа существуют в подобном виде.

Общественное отношение к СМИ в России амбивалентно, сочетает в себе высокую внушаемость и подозрительность. Аудитория не видит в СМИ площадку для диалога, на которой могла бы выстраиваться коммуникация между разными социальными группами и в целом между обществом и властью. Отношение аудитории к СМИ характеризуется также прагматичностью запросов: население хочет получать от СМИ справочную и развлекательную информацию; такие возможности, как получение качественной аналитической информации и критика деятельности властей, аудиторию не интересуют. Коммуникативная некомпетентность аудитории проявляется в том, что у нее нет целостного и непротиворечивого отношения к СМИ, рефлексивного отношения к информации, представления о возможностях, предоставляемых СМИ для коммуникации, четко сформулированных требований к СМИ. Отсутствие коммуникативной компетентности делает общество идеальной мишенью для пропагандистского воздействия. Сами СМИ, со своей стороны не проявляют никакой активности, являясь посредником между властью и обществом. Отношение СМИ к своей аудитории заключается в том, что они видят объект для осуществления пропаганды, а также покупателей, которые платят за информационную продукцию.

На данный момент СМИ мало подходят на роль социального института, который мог бы повлиять на уровень коммуникативной компетентности аудиторий либо оказать сопротивление информационной политике государственной власти.

Подобная ситуация в СМИ провоцирует развитие альтернативных источников информации, например, Интернета, который на данный момент находится в наименьшей зависимости от государства, но при этом в российских условиях доступен далеко не всем социальным группам.

Список литературы

1. Абалакина М. А., Агеев В. С., Мак-Фарланд С. Авторитарная личность в США и СССР // Человек. 1990. № 6.
2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. Филос. В. П. Култыгина. - М.; Серебряные нити, 2001.
3. Бойко, Л.Н.. Система ожиданий личности. – психологический образ: строение, механизм, функционирование и развитие. Т. 1. М., 1994, С. 41.
4. Вартанова Е. «Медиа в постсоветской России: их структура и влияние», Pro et Contra, Том 5, № 4, Осень 2000.
5. Дзялошинский И.М. – Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., Престиж, 2006.
6. Дзялошинский И., СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия, Медиаскоп, Выпуск №2, 2008, <http://mediascope.ru/node/223>
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Российская Газета, 9.09.2000. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm.
8. Друзья и враги России (Левада-Центр)*, 10.06.2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2009061001.html>
9. Исследование «наши ценности и интересы сегодня» «Центра социального прогнозирования и маркетинга» под рук. Ф.Э. Шереги. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&hq=217&sq=2&hsq=102
10. Кертман Г. Л. «Ностальгия по цензуре?», Фонд «Общественное мнение». [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/o837302>
11. Кертман Г. Л., «О доверии к СМИ», 21.02.1999. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/o903002>
12. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. С. 375.
13. Курьер 2004-16 (АОН «Левада-Центр»)*. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&HQ=8373&SQ=548&HSQ=17

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

14. Омнибус ВЦИОМ 1995-4. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&HQ=37716&SQ=674&HSQ=55
15. «Отношения общества и государства в глазах россиян» (Левада-Центр)*, 16.03.2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010031602.html>
16. Петрова А., Климова С. «Россияне не доверяют тем, кого свободно выбирают», 26.06.1997. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of19972501>
17. Попов В., Тавокин Е. «Доверие к СМИ в общественном сознании граждан России», Государственная служба, №4, 2002. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.rags.ru/akadem/all/18-2002/18-2002-88.html>
18. Преследование журналистов в 2009 году, Агентство Федеральных Расследований, 21.01.2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.flb.ru/info/46852.html>
19. Самойлова В. А. Радикальное обновление общества и проблема авторитарной личности // Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы: материалы конф. СПб., 1993.
20. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы: сборник материалов. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005.
21. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности", ст. 8, Российская Газета, 30.07.2002. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
22. «Что важнее - демократия или порядок?» (ВЦИОМ), 12.04.2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskiiarkhiv/item/single/13394.html?no_cache=1&cHash=3667a0b1cd
23. Шмерлина И., «Российский журналист: декомпозиция имиджа?», Социальная реальность, №6, 2007. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://soreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=388>
24. Экспресс 1999-13 (ВЦИОМ). [Электронный документ]. – Режим доступа: http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&HQ=14215&SQ=320&HSQ=101
25. Экспресс 2000-14 (ВЦИОМ). [Электронный документ]. – Режим доступа: http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&HQ=8346&SQ=175&HSQ=102

* Левада Центр внесен в реестр иноагентов

26. Юртайкин В.В., Дьяконова Н.А. Авторитаризм в системе установок российских и американских студентов, Социологические исследования, 2001, №9.
27. Altemeyer B. Enemies of Freedom: Understanding Right Wing Authoritarianism. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 1988.
28. Bandura, A. (1977). Social learning theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
29. Becker J. «Lessons from Russia: A Neo-Authoritarian Media System», European Journal of Communication, 19, pages 139-163. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://ejc.sagepub.com/cgi/content/abstract/19/2/139>
30. Hedwig de Smaele, «The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System», European Journal of Communication 14(2): 173–189. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://ejc.sagepub.com/cgi/content/abstract/14/2/173>
31. Last rights: Revisiting four theories of the press : : John C. Neron, ed., Urban: University of Illinois Press, 205 pp., 1995.
32. McQuail D. Mass Communication theory. 2nd edition. London, Thousand Oaks, New Delhi. SAGE Publications. 1987. P. 118–119., ссылка по И. Засурский, «Масс-медиа второй республики», 2001. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/37.htm>
33. Oats S. Where's the Party? / Mass Media and Political Communication in New Democracies, edited by Katrin Voltmer, Routledge Taylor & Francis Group, 2005.
34. Oats S. The Neo-Soviet Model of the Media, Europe-Asia Studies, Vol. 59, No. 8, December 2007.
35. Ricchiardi, Sh. (2001) 'Out of the Past', American Journalism Review May; at: www.216.167.28.193/Article.asp?id=804
36. Robinson J., Sixaver Ph.. Measures of social psychological attitudes. Survey Research Center Institute for Social Research, 1973.
37. Splichal Sl. (1994) Media Beyond Socialism: Theory and Practice in East-Central Europe. Boulder, CO: Westview Press.
38. Stenner K . "The Authoritarian Dynamic". Cambridge University Press. 2005. P.14